

Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978—2008 гг.)

© 2009

Чэнь Чжихуа

В статье известного китайского ученого анализируются основные направления изучения в КНР истории СССР. Отмечается, что в период 1978—1991 гг. главное внимание китайских исследователей уделялось осмыслению особенностей советской модели социализма. В центре их дискуссий оказались оценки политики “военного коммунизма”, периода НЭПа, деятельности Н.И. Бухарина, “сталинской модели” социализма. После 1991 г. и по настоящее время центром исследований остается анализ причин и уроков распада СССР.

Ключевые слова: китайские историки, военный коммунизм, НЭП, “сталинская модель”, распад СССР, причины, уроки.

Исследования по истории СССР начались в Китае относительно поздно и на весьма скудной основе, поскольку до образования в 1949 г. Китайской Народной Республики в этой области существовал полный пробел. Внимание изучению истории СССР стало уделяться с 1950-х гг., однако результаты исследований были довольно незначительными по причине дефицита кадров и материальных средств.

Базой для подготовки собственных специалистов и преподавателей истории СССР в КНР в то время служили переведенное на китайский язык издание “История СССР” академика А.М. Панкратовой, а также курсы лекций по данной тематике, прочитанные советскими историками в некоторых вузах Китая. Впоследствии появились отдельные статьи и брошюры по истории СССР китайских авторов, однако с началом в 1966 г. т.н. “культурной революции” в силу понятных обстоятельств исследовательская деятельность в этой области была практически прекращена. Многие темы оказались под запретом лишь после третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. и провозглашения политики реформ и открытости исследования по истории СССР были возобновлены. Период трех последних десятилетий в области изучения истории можно разделить на два этапа: этап 1978—1991 гг., определяющим для которого были 1980-е гг., и этап 1991—2008 гг.

Основные особенности и результаты исследований на первом этапе

Главной особенностью первого этапа стали упор на раскрепощение сознания в процессе исследовательской деятельности и научный подход: исторические исследования должны были служить практике. Многие теоретики в то время уча-

ствовали в широкой дискуссии на тему “Практика — единственный критерий истины”, которая в масштабе страны способствовала освобождению мышления людей от устаревших стереотипов. Это оказало позитивное влияние на исследования по истории СССР. По крайней мере, ученые-историки, специализировавшиеся на советской тематике, достигли общего понимания по следующим проблемам.

Прежде всего, СССР — первое в мире социалистическое государство. Что касается характера советского строя, то во время “культурной революции” в этом вопросе возникла путаница: утверждалось, будто в СССР была осуществлена реставрация капитализма. Более того, якобы Советский Союз стал социал-империалистическим государством. Тем не менее, несмотря на множество проблем во внутренней и внешней политике СССР, социалистический характер государства не претерпел изменений. Правильное определение характера советского государства является важной предпосылкой научно обоснованных исследований по истории СССР.

Кроме того, к ходу исторического процесса в СССР следует подходить двояко. С одной стороны, главными являются блестящие успехи, достигнутые СССР, в то же время не следует упускать из виду те ошибки и недостатки, которые также имели место. Необходимо избавиться от однобокостей и откровенной лжи, присущих освещению истории СССР во времена “культурной революции”. В то же время нужно покончить с мифом о том, что в советской истории все было прекрасно.

Далее, необходимо смелее вторгаться в т.н. “запретные темы” и, раскрепостив сознание, дать на основе реальных данных подлинно историческую оценку трудам своих предшественников, в первую очередь, важным историческим фактам и историческим деятелям, оценка которых в трудах советских историков на протяжении продолжительного периода либо полностью игнорировалась, либо была весьма одно-сторонней, включая тех, кто участвовал во внутрипартийной борьбе в рядах КПСС.

И, наконец, исследования по истории СССР проводятся вовсе не ради ностальгии, а служат прежде всего строительству социализма, проведению в Китае политики реформ и открытости.

Общее понимание среди китайских специалистов по истории СССР, достигнутое в 1980-е гг. в отношении четырех вышеуказанных основополагающих пунктов, означало, что хотя исследования в данной области начались в Китае с заметным опозданием, они стартовали весьма успешно.

Другой особенностью первого этапа стало то, что наряду с развертыванием научной работы серьезное внимание уделялось подготовке научных кадров. В начале 1980-х гг. в Китае насчитывалось всего около 50 специалистов, занимавшихся исследовательской и преподавательской деятельностью, связанной с историей СССР. Такое количество было явно недостаточным, поэтому требовалось наряду с расширением исследований подготовить большее число молодых специалистов.

В этой связи важное значение имели два события. Во-первых, в марте 1983 г. в Институте всемирной истории Академии общественных наук (АОН) Китая был создан сектор исследования социализма (переименованный затем в сектор истории СССР и стран Восточной Европы), в котором работала группа одаренных ученых в самом расцвете сил, имевших хорошую теоретическую подготовку, систематизированные знания по истории СССР и хорошо владевших русским языком. Костяк сектора составили бывшие выпускники исторических факультетов ведущих советских вузов конца 1950-х — 1960-х гг. Благодаря своей компетентности, а также весому влиянию и авторитету самой АОН в системе общественных наук страны этот сектор вскоре превратился в важный “плацдарм” современных исследований советской истории. Он не только активно вел

собственную исследовательскую работу, но и взаимодействовал с вузовскими учеными и коллегами из других научно-исследовательских учреждений. Вышедший в 1991 г. двухтомник “Очерки истории СССР (1917—1937)”¹ стал результатом тщательного и всестороннего научного исследования, осуществлявшегося этим коллективом на протяжении пяти лет.

Во-вторых, в 1985 году было учреждено Всекитайское общество по изучению истории СССР и стран Восточной Европы, в создании которого приняли участие 43 представителя 33 вузов и научных учреждений страны. Оно стало другим важным “плацдармом” изучения советской истории. Ежегодно общество организует научные конференции, в ходе которых ученые обсуждают актуальные проблемы, обмениваются информацией, выявляют молодые таланты. Вскоре после создания общества его членами был составлен “Словарь по истории СССР”², в котором содержалось 1600 статей, охватывавших период от Киевской Руси до правления Горбачева. Несмотря на свой характер справочного издания, словарь сыграл важную роль в развитии изучения истории СССР и по сей день остается для многих настольной книгой. В подготовке словаря принимали участие более 100 авторов, среди которых было немало молодых аспирантов. Таким образом, подготовка и выход в свет этой книги явились для китайской историографии, специализирующейся на советской проблематике, своеобразной кадровой и организационной пробой сил.

В этот период наиболее актуальными для исследователей были следующие вопросы:

1. *Октябрьская революция.* Благодаря важной роли Октябрьской революции 1917 года в российской и всемирной истории и, в частности, тому огромному влиянию, которое она оказала на революцию в Китае, это событие постоянно находится в центре внимания китайских историков. В 1980 г. в нашей стране была издана первая монография “История Октябрьской революции”³, в которой изложен весь ход этого знаменательного исторического события: от “двоевластия” после Февральской революции до окончания гражданской войны. Хотя эта монография не добавила много нового в исследование данной проблемы, она, тем не менее, вызвала живой интерес в научном сообществе и положила хорошее начало дальнейшим исследованиям. Впоследствии появилось множество работ, посвященных Октябрьской революции, в которых были затронуты многочисленные проблемы, касавшиеся предпосылок революции, союза рабочих и крестьян во время ее осуществления, аграрной политики большевиков, роли в революции мелкобуржуазных партий, международного влияния Октября и т.п. Во многих из этих трудов в той или иной степени были отражены новые взгляды. Например, на основе объективного анализа исторических фактов была дана всесторонняя оценка исторической роли в Октябрьской революции партии левых эсеров⁴. В монографии “Китайские рабочие-эмигранты в России и Октябрьская революция”⁵ на основе архивных данных, газетных материалов и мемуаров был представлен тот значительный вклад, который внесли находившиеся в России китайские рабочие в победу большевиков в революции и гражданской войне.

2. *Военный коммунизм.* Мнения ученых по проблеме “военного коммунизма” в то время расходились, и поэтому развернулись острые дискуссии. По мнению одних, он был “серьезной ошибкой даже в тогдашних исторических условиях”⁶. Были и те, кто полагал, что “военный коммунизм” представлял собой видоизмененный вариант “аграрного социализма”⁷. Другая точка зрения заключалась в том, что, в целом положительно оценивая практику “военного коммунизма”, ее сторонники исходили из убеждения, что он не являлся чем-то экстраор-

динарным в рамках определенного исторического периода, а был реально необходим в условиях войны. Многие из допущенных в то время ошибок были обусловлены “не характером самого политического курса, а недоработками в ходе осуществления этой политики”⁸. Еще одна точка зрения состояла в том, что “военный коммунизм” в период с июня 1918 г. по конец 1919 г. был вызван военными нуждами, а в 1920—1921 гг. представлял собой попытку “прямого перехода” к социализму посредством введения чрезвычайных мер военного времени⁹. Учеными обсуждались также и другие вопросы. В частности, придерживался ли В.И. Ленин идеи “прямого перехода”? Был ли “военный коммунизм” отдельным самостоятельным периодом в экономическом развитии в первые годы советской власти? Можно ли отделить практику “военного коммунизма” от самой его идеи и пр.¹⁰ Необходимо отметить, что дискуссии среди китайских ученых на тему “военного коммунизма” были тесно связаны с тенденциями в развитии советской историографии. Еще в 60—70 гг. прошлого века тема “военного коммунизма” в какой-то момент стала в исследованиях советских историков весьма актуальной. Причем многие проявляли склонность к анализу его негативных факторов. Это и вызвало большой интерес среди китайских ученых к изучению данной проблематики.

3. *Новая экономическая политика*. Проблема “новой экономической политики” была актуальной для исследователей в первой половине 1980-х гг. В то время в нашей стране осуществлялся переход к экономическому строительству, и практика перехода Советской России от “военного коммунизма” к новой экономической политике могла, несомненно, подсказать нам в этой ситуации нечто полезное.

Расхождения среди наших ученых в ходе полемики о НЭПе были минимальными. Большинство ученых сошлись на том, что новая экономическая политика явилась крупным теоретическим и практическим шагом вперед со стороны Ленина и партии большевиков. Исходя из реальных обстоятельств после окончания гражданской войны и уроков “военного коммунизма”, НЭП по существу предлагал правильный курс для перехода экономически отсталых стран к социализму и потому имел универсальное значение. Хотя обобщающего труда по этой теме в Китае нет, было написано много монографий о содержании, сущности и значении различных сторон НЭПа. Заслуживает, в частности, внимания работа, озаглавленная “Происхождение, практика и значение новой экономической политики”, в которой подчеркивалось, что “НЭП является общим понятием, охватывающим широкую, многоуровневую и многопрофильную политику, которая, в свою очередь, нащупывалась, формировалась и распространялась постепенно”. Следует особо выделить две мысли, проходящих “сквозной нитью” через все содержание этой работы. Во-первых, новая экономическая политика была, с одной стороны, тактическим шагом, предпринятым для преодоления серьезного политического и экономического кризиса, вызванного “военным коммунизмом”, а, с другой стороны, она явилась стратегическим шагом на этапе перехода от войны к мирному строительству, продолжением предложенного В.И. Лениным весной 1918 г. принципа построения социализма. Во-вторых, новая экономическая политика была политикой, осуществлявшейся на протяжении всего переходного периода, включая период восстановления, однако ее историческая роль была более значимой как раз в восстановительный период¹¹. Были и другие работы, в которых затрагивались многие стороны НЭПа, включая сельское хозяйство, промышленность, торговлю, аренду, а также период окончания новой экономической политики. Их отличали обилие материалов, новизна постановки проблем и отсутствие старых стереотипов.

Что касается времени окончания НЭПа, то большинство ученых полагают, что в силу различных обстоятельств эта политика была приостановлена в 1928 г.¹²

В центре внимания ученых были также социально-классовые конфликты периода НЭПа. В работе “Борьба против буржуазной идеологии в начальный период НЭПа” всесторонне и конкретно проанализированы различные проявления острой идеологической борьбы пролетариата и буржуазии в первой половине 1920-х гг. В ней отмечается, что в период НЭПа возникли некоторые “левые” уклоны, но они являлись “не перегибом идей ленинизма и большевизма, а порождением общих социально-исторических условий и острой классовой борьбы”¹³.

4. *Внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 1920—1930-е гг.* Внутрипартийная борьба в 1920—1930-е гг. представляет весьма сложную проблему. На протяжении длительного времени мы в процессе ее интерпретации опирались в основном на учебник “История ВКП(б). Краткий курс”. Начиная с 1980-х гг., в русле раскрепощения мышления и осуществления научного подхода ученые начали выдвигать новые идеи и концепции.

В 1980 г. в журнале “Всемирная история” (Шицзе лиши) была опубликована статья “Несколько вопросов о Бухарине”¹⁴, где впервые был поднят вопрос о переоценке его деятельности. Эта публикация вызвала целую волну исследований о Бухарине в течение 1980-х гг. В статье говорилось, что “Бухарин был известным деятелем ВКП(б) и Коминтерна, авторитетным мировым теоретиком марксизма и марксистской экономики”. Обосновывая свою переоценку роли Бухарина, автор предложил собственную, в корне отличную от прежних трактовку многих его постулатов, таких как “исчезновение” классовой борьбы и “мирный переход к социализму”. Не все поначалу были согласны с мнением автора. По мере углубления исследований, в частности, обнародования новых архивных материалов и выпуска в свет трудов Бухарина на китайском языке, несмотря на сохранявшиеся разногласия, восторжествовало общее мнение о необходимости переоценки деятельности Бухарина. В 1988 г. вышла в свет книга “Бухарин”¹⁵, в которой на основе новейших архивных данных была описана жизнь этого марксиста-теоретика и революционера.

В 1986 г. в Китае была выпущена “Биография Троцкого”, которая стала первой монографией, посвященной жизни и деятельности этого политика¹⁶. В книге на основе объективных фактов описана жизнь этого известного руководителя ВКП(б) и советского государства на его начальном этапе, дана положительная оценка его вклада в победу Октябрьской революции и в ход гражданской войны, критически проанализированы его серьезные ошибки в решении некоторых проблем, негативно оценивается и осуждается деятельность по сколачиванию “четвертого интернационала”. Книга, безусловно, вышла за рамки “Краткого курса истории ВКП(б)”.

Наряду с переоценкой роли и деятельности Бухарина и Троцкого исследовались также проблемы, связанные с борьбой вокруг Брестского мира, профсоюзам, внутрипартийной борьбой до и после смерти Ленина, борьбой против новой оппозиции и группировки Троцкого—Зиновьева, был высказан ряд новых идей¹⁷.

5. *Строительство социализма в сталинский период.* В начале 1980-х гг. значительное внимание китайские исследователи уделяли изучению проблем коллективизации. В целом они положительно оценивали роль коллективизации в сельском хозяйстве, одновременно подчеркивая проблемы и ошибки этого движения. Отмечалось, что Сталин искусственно сократил период процесса кооперирования, для которого, по расчетам Ленина, была необходима целая историческая эпоха, и поэтому пострадали широкие массы крестьянства, особенно интересы середняков. Ученые полагали, что “вступив на путь индустриализации, со-

ветская страна столкнулась с острым дефицитом продовольствия, который было очень сложно преодолеть. В этих условиях коллективизация рассматривалась как выход из положения. Таким образом, в определенной степени она оказала поддержку индустриализации в стране, которую удалось завершить в сравнительно короткий срок". Однако при этом отмечалось, что "сплошная коллективизация не была и не могла быть всеобщей закономерностью, присущей строительству социализма"¹⁸.

По мере углубления исследований круг изучаемых вопросов постепенно расширялся — от проблем строительства социализма к проблемам тоталитарной политической и экономической системы сталинского периода. Иными словами, заговорили о "сталинской модели". Стоит, однако, отметить, что на протяжении 1980-х гг., особенно в первой их половине, термин "сталинская модель" еще не прижился в научной среде. Более употребительными были термины "модель советского социализма" или просто "советская модель". Основное внимание уделялось вопросам, связанным с историческими условиями, особенностями, успехами и проблемами этой тоталитарной политической и экономической системы. В целом положительно оценивая советскую модель, историки сосредоточились на анализе ее недостатков и недочетов и пришли к выводу, что ее реформирование было исторически неизбежным. В 1988 г. редакция журнала "Всемирная история" организовала два "круглых стола" на темы "Исторический обзор советской модели социализма" и "Диалог в переписке: о реформах Хрущева"¹⁹.

В полновесной и весьма популярной монографии "70 лет политической и экономической системы СССР"²⁰ было дано систематизированное, всеобъемлющее описание формирования, развития и постепенного окостенения советского строя, проведен критический анализ реформирования советской системы за период с начала 1950-х гг. вплоть до 1987 г. Работа была комплексной по содержанию и опиралась на богатый фактический материал.

По мере углубления реформ в Китае и постоянного появления новых исторических источников все более глубокими становились исследования по проблемам советской модели социализма. А после распада СССР изучение этой темы осуществлялось в тесной увязке с вопросами, касающимися причин и уроков распада, и в определенный момент она стала едва ли не самой обсуждаемой. При этом разногласия в ученой среде продолжали разрастаться. Следует отметить, что учрежденный в 1978 г. журнал "Всемирная история" на протяжении 1980-х гг. являлся основным "плацдармом" для исследований истории СССР. На его страницах было опубликовано множество статей по этой тематике. Так, например, в № 4 журнала за 1984 г. была напечатана статья директора Института всемирной истории АОНК проф. Чжу Тингуаня "Не ограничиваться мнимыми рамками"²¹, в которой автор призвал историков к раскрепощению мышления, снятию всяческих запретов, осуществлению научного подхода к изучению советской истории. Она сыграла важную роль в том, чтобы направить наши исследования по этой тематике в русло нормального развития. В 1985 г. редакцией журнала "Всемирная история" был подготовлен и издан в Китае "Сборник статей по современной советской истории", в котором были собраны новейшие и, как правило, долбrotные научные труды наших историков (причем большинство их публиковалось впервые). Этот сборник стал первым в серии сборников по истории СССР²².

Основные особенности и результаты исследований на втором этапе

После распада СССР причины и уроки советской драмы становятся весьма актуальной проблематикой для международного научного сообщества, в том

числе и для китайских историков. Хотя в их распоряжении не имелось такого обилия материалов и источников, как у коллег из некоторых других стран, однако понимание и постижение китайскими учеными истории СССР как в рациональном, так и в эмоциональном плане, возможно, было более глубоким, чем у их зарубежных коллег. И это вполне понятно. Президент Академии общественных наук Китая Ху Шэн выступил тогда со статьей в газете “Вэньхуэй бао”, в которой отметил, что у китайских исследователей, которые изучают исторический опыт СССР, имеются по сравнению с их коллегами из других стран большие преимущества, поскольку Китай одно время шел по советскому пути, но при этом раньше других вышел за рамки советской модели. Именно по поручению Ху Шэна в АОНК после распада СССР была срочно организована работа по изучению данной проблематики. Вскоре в свет вышли две монографии: “Размышления над историей эволюции СССР” и “Исследование драматических перемен в Советском Союзе”, которые стали первыми в Китае научными трудами, посвященными изучению причин и уроков крушения советской системы²³. Авторы этих трудов детально проанализировали процесс трансформации советской системы с позиций истории и современности, затронув при этом политику, экономику, культуру, идеологию, межнациональные отношения, партийное строительство и внешнюю политику. Было отмечено, что хотя главной причиной эволюции в СССР безусловно явился ошибочный характер проводившегося М.С. Горбачевым курса реформ, нельзя, тем не менее, упускать из виду множество проблем, накопившихся в истории советской и партийной системы, которые и послужили в конечном итоге началом всех бед. Что касается уроков распада страны, то наши историки тогда полагали необходимым твердо и неуклонно поднимать экономику. Очевидно, подобные выводы были сделаны тогда не без влияния нашей внутренней ситуации. При этом в них нашла свое отражение недостаточность глубины самих этих исследований. Несмотря на некоторые различия в акцентах в процессе анализа исследуемой темы, выводы авторов обоих сборников в целом аналогичны. По их мнению, именно ошибочный курс Горбачева напрямую привел к распаду СССР, который отнюдь не означал поражения системы и дела социализма. Разногласия среди ученых по поводу причин и уроков крушения СССР тогда еще не были достаточно явными.

С конца 1990-х гг. возросло количество доступных источников по истории СССР, соответственно, умножилось число работ, посвященных анализу причин и уроков его распада, более глубоких по содержанию и обширных по тематическому охвату. В основном это были научные статьи и в меньшей степени — систематизированные монографические исследования. В целом, по приблизительным подсчетам, за период с 1992 по 2001 гг. в СМИ Китая было опубликовано более 600 статей о причинах распада СССР, издано более 30 книг и монографий на эту тему²⁴.

Начиная со второй половины 1990-х гг. по мере расширения исследований причин распада СССР углублялось изучение т.н. “сталинской модели” при одновременном обострении разногласий по данной проблеме в ученой среде. Наиболее представительными по этой тематике стали две монографии — “Изучение сталинской модели” и “Сталин и социализм — анатомия первой в мире модели социализма”²⁵. В первой из них были проанализированы политическая, экономическая, культурная, идеологическая и, особенно, теоретическая стороны “сталинской модели”. На основе анализа был сделан вывод о том, что “Сталин использовал некоторые идеи, ранее апробированные В.И. Лениным, от которых тот впоследствии отказался, добавил к ним много собственных соображений, и в результате возникла

“сталинская модель социализма”. В другой монографии утверждается, что сталинская теория строительства социализма является составной частью марксизма и что Сталин свел воедино марксизм и советскую действительность первой половины XX в., что его “колоссальные заслуги невозможно перечеркнуть, как и прогрессивную историческую роль сталинской модели в тогдашних условиях”²⁶.

Что касается коренных причин, приведших к распаду Советского Союза, то по этому вопросу среди китайских ученых существуют значительные разногласия. Одни считают, что главная причина распада кроется в сложившейся при Сталине высокцентрализованной политической и экономической системе (т.н. “сталинская модель”). Другие считают, что основная причина распада — в линии Горбачева на “гуманный демократический социализм”, оторванный от основных положений марксизма, теоретические истоки которой тесно связаны с Хрущевым и XX съездом КПСС. Что касается того, закономерным ли был распад СССР, мнения ученых опять-таки расходятся. Одни полагают, что сверхцентрализованная политическая и экономическая система в Советском Союзе, или т.н. “сталинская модель” со свойственными ей ошибками в теории и практике предопределила неустойчивость этого режима как институциональной системы, поэтому распад страны был неизбежен. Другие считают, что если бы Горбачев проводил такой курс реформ, который соответствовал бы основным принципам марксизма и реальной ситуации в СССР, распад страны можно было бы предотвратить. Третьи думают, что трансформация советской модели социализма была неизбежной, однако крушение социалистической системы неизбежным не было. Реформирования номинально “федеративного”, а фактически “унитарного” полиэтнического государства избежать было нельзя, а распад Советского Союза закономерным не был²⁷.

В целом наличие в науке различных точек зрения на одну и ту же проблему — вещь совершенно нормальная. По мнению автора, вышеуказанные разногласия связаны, по крайней мере, со следующими четырьмя вопросами методологического характера.

Во-первых, как воспринимать принципы марксизма в качестве руководящих идей при проведении научных исследований. Абсолютное большинство ученых нашей страны солидарны в том, что основные принципы марксизма должны быть руководящей идеей в процессе исследовательской деятельности. Тем не менее, при рассмотрении конкретных вопросов иногда может проявляться некая односторонность. Кое-кто из ученых упирает на то, что при рассмотрении исторических процессов в СССР необходимо подняться на тот уровень развития, которого уже достиг сегодняшний марксизм, т.е. руководствоваться теорией Дэн Сяопина, важной идеей “трех представительств” и научной концепцией развития, иначе мы рискуем оказаться поверхностными, и наши выводы не будут соответствовать реальности. Другие подчеркивают, что оценивая важные исторические события и личности, следует учитывать конкретные исторические условия того времени, которому они принадлежат, в т.ч. временной период, международную обстановку и историко-культурные традиции, а также уровень теоретического развития. Необходимо иметь в виду, что обе упомянутые выше точки зрения должны рассматриваться как взаимодополняющие и составляющие единое органичное целое. Нельзя целиком принять одну из них, при этом полностью игнорируя другую.

Во-вторых, что входит в понятие “сталинской модели социализма”. Прежде всего, ее основу составляет социалистический строй. Его главным содержанием в политике являются правящая роль коммунистической партии и советская власть, основу которой составляют руководство со стороны рабочего класса и со-

юз рабочих и крестьян. В экономике — это социалистическая общественная собственность на средства производства и принцип распределения по труду; в идеологии — руководящая роль марксизма. В этих принципах воплощаются характерные особенности научного социализма. Они же составляют содержание “четырёх основных принципов”, о которых говорил Дэн Сяопин. Кроме того, “сталинская модель” включает в себя конкретные политические, экономические и культурные системы и механизмы, стратегию развития, а также разнообразные конкретные институты власти и соответствующую политику. Основные институциональные компоненты системы необходимо сохранять, их нельзя отбросить. А конкретные механизмы и структуры можно и нужно реформировать, исходя из постоянно меняющихся общественных реалий и потребностей. Нельзя упорно сохранять устаревшую модель, отказываясь от реформ.

В-третьих, анализируя любые проблемы, включая историю развития СССР и КПСС, все важные исторические события и личности отдельных видных деятелей, нам необходимо четко разграничивать главное и второстепенное. Тем более нельзя смешивать все “в одну кучу”.

В-четвертых, в ходе исследований китайским ученым приходится пользоваться зарубежными источниками, прежде всего российскими. Необходимо очень тщательно подходить к их выбору, оценке, толкованию и использованию, сопоставляя их при этом с другими материалами.

Если бы ученым удалось достигнуть общего подхода по этим четырем пунктам, можно было бы надеяться на постепенное сближение позиций и снятие спорных моментов в вопросах, связанных с причинами и уроками распада СССР.

Другой особенностью второго этапа исследований СССР в Китае является постоянное обогащение оригинальных материалов, в первую очередь, в связи с появлением все большего объема архивных документов. Еще задолго до распада Советского Союза в КНР был издан ряд сборников советских официальных документов, которые способствовали изучению отдельных тем²⁸.

С конца 1980-х гг. и особенно после распада СССР в России было выборочно открыто и опубликовано значительное число архивных документов по истории советского периода, которые вызвали большой интерес и привлекли пристальное внимание исследователей разных стран, в том числе китайских. Однако в силу различных ограничений далеко не все китайские ученые смогли получить доступ к этим источникам и использовать их. В 1993—1994 гг. в российском журнале “Исторический архив” были опубликованы документы Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. и Июньского пленума 1957 г. В 1997 г. все эти материалы были полностью переведены на китайский язык и опубликованы в КНР²⁹. Кроме того, в 1995 г. в АОН КНР была официально утверждена программа исследований по сбору, переводу и изданию различных архивных материалов советского периода. В рамках этой программы с 2002 г. стал выходить в свет многотомный “Сборник архивных материалов по истории СССР”³⁰. В общей сложности было подготовлено 34 тома, включающих более 8000 различных документов общим объемом 18 млн иероглифов. Этот крупный проект, в котором на протяжении семи лет участвовало множество специалистов, привлек особое внимание ученых, особенно историков, занимавшихся советским периодом. Вместе с тем, очевидны и некоторые недостатки данного издания. В первую очередь, отсутствие четких критериев при отборе источников и неточности в переводах. Тем не менее это издание можно по праву считать важным вкладом в китайскую историографию и развитие советского источниковедения в КНР.

На протяжении второго этапа было издано немало серьезных монографий, отличавшихся новизной подходов, богатством источников (включая новые и оригинальные материалы) и определенным новаторством.

Среди общеисторических можно выделить такие работы, как “История расцвета и падения СССР”, “Очерки истории СССР (1953—1964)”, “Советский Союз в эпоху Брежнева” и др.³¹

Две книги Ма Луншаня посвящены изучению истории советской культуры — “История развития советской системы культуры” и “Культурный аспект перемен в СССР”³². В первой из них проанализированы формирование и эволюция советской теории и политики в культурной сфере, дана характеристика партийных и советских руководящих органов, общественных организаций и научных учреждений, ведавших вопросами культуры. Вторая книга явилась расширением и углублением первой. В ней автор сделал акцент на анализе взаимосвязей между системой культуры и распадом государства. Он высказал отрицательное отношение к той системе культуры, которая сформировалась в т.н. “сталинский период”, считая, что “основное направление политического курса в то время противоречило закономерностям развития науки и культуры, хотя при этом нельзя отрицать его социалистическую направленность”. Затрагивая причины распада Советского Союза, автор придерживается “системной версии”, пытаясь выявить их путем анализа “одной из важных сторон советской системы — культуры и идеологии”.

В области истории внешней политики выделяется монография “Сталин и происхождение “холодной войны”. Это первое в КНР исследование “холодной войны” и причин ее возникновения, где автор доказывает, что “она явилась результатом взаимного противостояния и сдерживания США и СССР, которые в равной мере несут за нее ответственность”³³.

Кроме того, в области истории внешней политики следует упомянуть такие монографии, как “От всестороннего союза к полному размежеванию — отношения СССР со странами Восточной Европы в период “холодной войны”, “Отношения СССР и стран Восточной Европы во время “холодной войны” и т.п.”³⁴. Особенностью этих монографий является то, что в них использованы новейшие научные разработки китайских и зарубежных исследователей, а также опубликованные архивные материалы. В первой из них взаимоотношения СССР и восточно-европейских стран рассматриваются в теоретическом и практическом аспектах через призму интернационализма, государственного национализма и политической культуры. При этом термин “государственный национализм” является некой авторской новинкой. Во второй книге отмечаются две проблемы во взаимоотношениях СССР и стран Восточной Европы, которые автор причисляет к “структурным недостаткам”: идеологическое единодушие, заменяющее или маскирующее расхождение государственных интересов, и смешивание межпартийных отношений с межгосударственными. Эти обобщения весьма интересны.

Что касается китайско-советских отношений, то следует упомянуть две монографии — “Исследование некоторых проблем в китайско-советских отношениях после Второй мировой войны — по архивным документам Китая и России” и “Очерки истории китайско-российских отношений в 1917—1991 гг.”³⁵. В этих книгах использовано множество оригинальных материалов и по-новому рассмотрены некоторые проблемы китайско-советских отношений, поэтому они вызвали интерес как китайских, так и российских историков.

По тематике социальной истории можно выделить такие работы, как “Изучение социальных слоев советского общества и драматические изменения в

СССР” и “Социально-политические классы и прослойки и драматические изменения в СССР — изучение социально-политических классов и прослоек в Советском Союзе в 60—90-е гг. XX в.”³⁶. В первой из них была предпринята попытка социологической интерпретации исторических процессов в СССР на протяжении 74 лет на основании большого количества отечественных и зарубежных документальных источников. При этом главный акцент был сделан на анализе перераспределения социальных ресурсов и вызванных им противоречий и конфликтов в стране. На этой основе были проанализированы причины распада СССР, что по праву можно считать методологическим прорывом в китайской историографии. Вторая работа посвящена анализу шести “социально-политических слоев” советского общества — высшего руководства, привилегированной номенклатуры, интеллигенции, диссидентов, национальной элиты, рабочих и крестьян. Из этих работ можно сделать вывод о том, что китайские историки, изучающие проблемы СССР, начали выходить за рамки традиционных методов, используя междисциплинарный подход, и это достойно всяческой похвалы.

Наиболее заметной в области исследования политической истории оказалась изданная в восьми частях, объединенных в пять томов, монография “Принятие важнейших решений в Советском Союзе за 70 лет”³⁷. В первых семи частях в хронологическом порядке излагается процесс принятия решений по всем важнейшим вопросам со времен Ленина до периода Горбачева. Последний раздел — обобщающий. В нем повествуется об особенностях каждого этапа, рассматриваются механизм принятия решений и принципы его функционирования, а также функции и стиль отдельных руководителей. Цель автора состоит в выявлении причин и уроков распада СССР посредством анализа процесса принятия решений высшим руководством страны. Книга значительна по объему, отличается четкой позицией, богатством использованных материалов.

Изучение истории СССР в Китае за последние 30 лет — очень большая тема. Автор данной статьи ограничился кратким обзором наиболее важных научных работ и никоим образом не претендует на исчерпывающий анализ проблемы.

-
1. Чэнь Чжихуа чжубянь. Сулянь ши ган (1917—1937). Шан, ся цэ. Жэньминь чубаньшэ. 1991.
 2. Сулянь лиши цыдянь. Цзилинь вэньши чубаньшэ. 1991.
 3. Сунь Цуньму, Ли Сяньжун, Кан Чуньлинь. Шиюэ гэмин ши. Саньялянь шудянь. 1980.
 4. Сюй Тяньсинь. Лунь цзопай шэхуй гэмин дан. — Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. Санлянь шудянь. 1980. С. 95—112.
 5. Ли Юнчан. Люй Э хуагун юй Шиюэ гэмин. Хэбей цзяюй чубаньшэ. 1988.
 6. Жун Синь. Гунци юсянь, цоу яньчжун. — Шицзе лиши. 1981, № 1.
 7. Цзян Ихуа. Ленинчжуи юй чжаньши гунчаньчжуи. — Фудань дасюэ сюэбао. 1981, № 11.
 8. Се Юши. Чжаньши гунчаньчжуи ши ичжун гуньлао. — Шицзе лиши. 1981, № 1.
 9. Е Шуньцун, Ван Синьдэ. Е Тань ленинчжуи хэ чжаньши гунчаньчжуи. — Шицзе лиши. 1982, № 3.
 10. Чэнь Чжихуа. Цзаоци Сулянь ши дэ цзигэ вэньти. Сулянь Дун Оу яньцзю цзыляо. 1983, № 5—6. С. 52—54.
 11. Лу Вэньпу. Синь цзинцзи чжэнцэ дэ чаньшэн, шиши юй ци ии. — Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. Саньялянь шудянь. 1985. С. 134, 146.
 12. Вэнь И. Синь цзинцзи чжэнцэ ши ваньшань чжунцзэ хайши чжунчжи чжэсин? — Шицзе ши яньцзю дунтай. 1985, № 3.

13. *Ма Луншань*. Синь цзинцзи чжэнцэ чуци тун цзычань цзецзи ичжи синьтай дэ доучжэн. — Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. 1985. С. 212.
14. *Чжэн Ифань*. Ю гуань Бухалинь дэ жогань вэньти. — Шицзе лиши. 1980, № 1.
15. *Вэнь И, Е Шуцзун*. Бухалинь чжуань. Цзилинь цзяоюй чубаньшэ. 1983.
16. *Ли Сяньжун*. Толоццзи пинчжуань. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1986.
17. См.: Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. Саньянь шудянь. 1985.
18. *Цзян Чанбинь*. Цун синь цзинцзи чжэнцэ дао нун'е цюаньпань цзитихуа юньдун. — Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. С. 293.
19. См.: Шицзе лиши. 1988, № 4; 1989, № 1.
20. Лю Кэмин, Цзинь Хуэй чжу бян. Сулянь чжэнчжи цзинцзи тичжи 70 нянь. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1990.
21. Чжу Тингуан цзи. С. 231—235.
22. Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. Саньянь шудянь. 1985.
23. Цзян Лю, Чэнь Чжихуа чжубянь. Сулянь яньбянь дэ лиши сыкао. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1994; Цзян Лю, Сюй Куй, Дань Тяньлунь чжубянь. Сулянь цзюйбянь яньцзю. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 1994.
24. Дун Оу Чжун Я яньцзю. 2002, № 2. С. 75.
25. Ли Цзунъюй дэн. Сулянь моши яньцзю. Чжун'ян бянцзэ чубаньшэ. 1999; Лу Чжичао, Ван Чжэнцю чжубянь. Сыдалинь юй шэхуйчжуи. — Шицзе диигэ шэхуйчжуи моши пэйси. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2002.
26. Лу Чжичао, Ван Чжэнцюань. Цит. соч., Предисловие. С. 3; С. 398.
27. Лю Гохуа, Сюе Сяожун. Сулянь цзети юаньинь шинянь яньцзю цзуншу. Дун Оу Чжун Я яньцзю. 2002, № 2.
28. Сулянь гунчаньдан хэ Сулянь чжэнфу цзинцзи вэньти цзюеи хуэйбянь. Цзюань 1-15. Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ. 1983 нянь ци чубань; Сулянь миньцзю вэньти вэньсянь сюаньбянь. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 1987.
29. Сулянь гунчаньдан цзуйхоу и гэ “фаньдан” цзитуань. Шан, Ся цэ. Чжунго шэхуй чубаньшэ. 1997.
30. Шэнь Чжихуа цзун чжубянь. Сулянь лиши дан'ань сюаньбянь. Ди 1-34 цзюань. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2002 нянь ци чубань.
31. Чжоу Шаньвэнь, Е Шуцзун, Ван Синьдэ. Сулянь синван ши. Шанхай жэньминь чубаньшэ. 1993; Чэнь Чжихуа чжубянь “Болежинефу шици дэ Сулянь”. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1998.
32. *Ма Луншань*. Сулянь вэньхуа тичжи яньгэ ши. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1996; *Ма Луншань*. Сулянь цзюйбянь дэ вэньхуа сюши. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2005.
33. *Чжан Шэнфа*. Сыдалинь юй лэнчжань цюань. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2002.
34. *Ли Син*. Цун цюаньмянь цземэн дао фэнь дао ян бяо — Лэнчжань шици дэ Сулянь юй Дун Оу гуаньси яньцзю. Ухань дасюэ чубаньшэ. 2000; Шэнь Чжихуа чжубянь. Лэнчжань шици Сулянь юй Дун Оу дэ гуаньси. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 2006.
35. *Шэнь Чжихуа, Ли Даньхуэй*. Чжаньхоу Чжун Су гуаньси жогань вэньти яньцзю. — Лайцзы Чжун Э шуанфан дэ дан'ань вэньсянь. Жэньминь чубаньшэ. 2006; Шэнь Чжихуа чжубянь. Чжун Э гуаньси ши ган 1917—1991. Синьхуа чубаньшэ. 2007.
36. *Хуан Лифу*. Сулянь шэхуй цзецэн юй Сулянь цзюйбянь яньцзю. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2006; *Го Чуньшэн*. Шэхуй чжэнчжи цзецэн юй Сулянь цзюйбянь — 20 шици 60-90 няньдай Сулянь гэ шэхуй чжэнчжи цзецэн яньцзю. Дандай шицзе чубаньшэ. 2006.
37. *Син Гуанчэн*. Сулянь гаоцэн цзюецэ 70 нянь. 1-5 цэ. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1998.